

Пока говорит Бэлза, музы не молчат

Телезрители и посетители многих концертных залов привыкли к этому с иголки одетому высокому мужчине с неизменной бабочкой, придающей известный академизм любому вечеру. На недавнем концерте в честь Хосе Каррераса, которому вручали диплом почетного доктора Менделеевского университета, он представлял живому классическому его молодых коллег, шутил и тут же переводил на английский свои шуточки именитому гостю. А концерт Пендерецкого он вел по-польски, переводя залу свои реплики на русский...

Есть артисты, без которых не обходится ни один концерт. О Бэлзе этого пока сказать нельзя, случаются концерты и без него. Но факт: если на сцене Бэлза, значит, на ней одним солистом больше. Однажды так и довелось услышать: «соло для Бэлзы с оркестром».

— Итак, кто вы, Святослав Бэлза? Ведущий? Комментатор? Уж точно не лектор. Какой жанр исповедуете? Где обучались игре со словом и фактом?

— Я просто сын своих родителей. Профессор Игорь Бэлза занимался литературой, музыкой, историей, философией и, подобно своим друзьям Андронику и Соллертинскому, тоже нередко открывал концерты. Мама, по образованию врач, поддалась его могучему влиянию и стала писать книги о музыкантах, в том числе о Мясковском, Глиэре (под девичьей фамилией Гулинская). Многие, кто привык к моему телевизионному, как теперь говорят, имиджу, удивляются, что я вообще-то скромный сотрудник Института мировой литературы Российской академии наук, наплодивший немало книг, статей, предисловий к русским и зарубежным авторам от Шекспира и Бальзака до Лема и Мрожека.

— Однако магия телевидения накрепко связала вас с музыкой, по счастью — с настоящей музыкой, ведь далеко не все, что звучит, музыка.

— Конечно, родители учили меня игре на фортепьяно, многих ныне признанных композиторов я часто видел в доме. Так что моя семья и была моей консерваторией. Не могу умолчать, что с моими музыкальными занятиями связано уточнение даты начала композиторской деятельности Рахманинова. Это, конечно, шутка, но с большой долей правды. Родители водили меня на урок поочередно, и однажды, чтобы папа не скучал, моя учительница предложила ему посмотреть издававшую виды тетрадку юности Рахманинова, которую она получила как награду в день окончания консерватории. Считалось, что Рахманинов решал в ней какие-то задачки по гармонии. Но папа распознал в этих нотных черновиках... три самых ранних нокturna композитора. Впоследствии они были напечатаны с предисловием профессора Бэлзы и стали важным фактом творческой биографии Сергея Васильевича.

Тем не менее решительный шаг у меня совершился все-таки в сторону литературы, и только телевидение, потребовав с священной жертвой, вновь вернуло меня к музыке.

— Три источника, три составные части вашего сценического образа — знания, внешние данные и жанр устного рассказа. Так?

— Да, я рьяный последователь Ираклия Луарсабовича Андроникова. Он блестяще копался в книгах, извлекал богатейшие клады, и рассказывал об этом на своих литературных концертах или открывая концерты музыкальные. Только работал он как бы в форме романа, а я — в духе времени, в форме новеллы, порой миниатюры.

— Вы очень популярны, помню, как вас принимали в Ереване в дни российской культуры: после жидких хлопков официальным лицам вам устроили овацию. Популярность — вещь обо-

юдоострая. Курьез: соседка показывает моей маме в одном из журналов портрет ее сына рядом с заголовком «Жена и любовница Святослава Бэлзы». Заголовки, как известно, придумывают в редакциях... Оказывается, всего-навсего моя жена — литература, а телевидение, сцена — это все любовницы. Тем не менее соседка за меня обиделась.

— Вы стремитесь к лаконизму, поскольку чувствуете за спиной дыхание исполнителя?

— Я чувствую дыхание телевидения, это оно принудило к лаконизму. Моя авторская передача «Музыка в эфире» в течение пяти лет имела продолжительность два часа, потом сократилась до полутора часов, тем не менее можно было и говорить, и показывать музыку. Но потом на телевидении для классической музыки выделялось все меньше времени. Приходилось информацию, важную для темы, укладывать в считанные секунды. А говорить коротко непросто, не случайно один классик написал другому: «Прости, что пишу длинно, не было времени написать короче». Не только в стихах требуется изводить тысячи тонн словесной, в данном случае фактографической, руды. Готовясь, например, к юбилейному концерту кого-то из титанов прошлого, я провожу не один час в нашей семейной библиотеке.

— Посещая однажды вашего отца, я смог взглянуть на нее. Говорят, в ней около 20 тысяч томов...

— Мама читает, что в нашей квартире живут книги, а люди тютясы среди них... Папа читал на многих языках, собирал книги по разным отраслям знаний — в частности, у нас есть огромный раздел по Древнему Египту. Остались и партитуры, а это фолианты... Правда, часть этого добра мама отдала библиотеке Московской консерватории, где папа долго профессорствовал... Без книг я не мыслю себя. При всех интернетах, аудиобуках и прочих нововведениях.

— Помню вашу книгу «Человек читающий» — «Хомо легенс» (сейчас есть магазин с таким названием). Там собраны мысли многих писателей всех пяти континентов, и все они приходили к заключению, что книга никогда не утратит своего значения.

— Интернет может утолить жажду информации, книга же — еще и произведение искусства. Как сказал поэт, «кубический густок дымящейся совести». За иллюстрации книг брались великие художники, в Интернете это можно увидеть, но предварительно это надо было создать в книге.

— Вы идете на концерт не просто назвать произведения, которые будут сыграны, но и рассказать нечто неизвестное. К примеру, недавно вы вели юбилейный концерт Николая Петрова...

— Разумеется, смешно было бы хвастать тем, что мы давно дружим. Но рассказать, что отец написал книгу о его деду, замечательном баса Большого театра Василии Пе-

Как-то Бэлза попробовал сыграть даже на фанерном баяне: дело было на выставке художницы Татьяны Назаренко. Фото Виктора АХЛОМОВА.

трове, было, наверное, кстати... Я уже говорил где-то, что не только сама веду передачи, но и передачи ведут меня. Работая на телевидении, я познакомился практически со всеми нашими выдающимися исполнителями и творцами музыки, со многими зарубежными. Думаю, что музыка и литература — области, которые трудно воспринимать без большой дозы субъективности. Флорбер говорил, что к кумирам не следует прикасаться руками: на пальцах остается много позолоты. Мне приходилось общаться с кумирами, и я рад, что многие из них оказались подлинно золотого чекана: чем крупнее личность, тем человек скромнее и проще.

— Вы пробовали записывать беседы с ними?

— Когда писал предисловия, например, к книгам Чарльза Сноу, Грэма Грина, я использовал личные встречи. Но в целом эта работа вся еще впереди. Сноу, например, рассказал мне замысел нового романа, к сожалению, оставшийся неосуществленным. Он начинал с детективов и в конце хотел написать политический детектив под впечатлением похищения и убийства Альдо Моро. Его занимал внутренний мир человека, который знает, что умрет. Но обстановка должна была быть близкой англичанину, то есть англо-ирландской. При приверженности Сноу к психологическому реализму это мог быть весьма интересный роман... Конечно, надо бы сесть за мемуары, но все думается: рано. Сказал же Чехов: я старый молодой человек...

— Немного, пожалуйста, о граммах добычи из тонн руды...

— Грэм Грин свои романы строил по типу детектива, а то и мелодрамы, он говорил, что сначала нужно заинтересовать читателя, а потом уже навязывать размышления о вечных вопросах. Следуя ему, а также известному вольтерскому правилу: все жанры хороши, кроме скучного, я тоже стараюсь не общаться со зрителем на искусствоведческом жаргоне, часто ему непонятном (это надо

оставлять научным трудам, хотя их тоже не грех писать занимательно).

— И все-таки: завтра предстоит концерт. Начинаете рыться в книгах?

— И в книгах, и в записях, и в памяти. Был концерт Паваротти в дни московского юбилея. Рассказывать, какой хороший тенор Паваротти? И вспомнилось: однажды в Москве он обмолвился, что в предыдущей жизни был русским, понял это еще ребенком, слушая «Картинки с выставки» Мусоргского. Я привел эти его слова, и Паваротти их подтвердил. Установилась доверительная обстановка, можно было и пошутить. Я привел его же рассказ, как он зашел в ресторан и увидел в меню «бифштекс Паваротти» и «бифштекс Доминго». Заказал «бифштекс Доминго», оказалось — вкусно. Спросил официанта, в чем отличие «бифштекса Доминго» от «бифштекса Паваротти». Официант лукаво улыбнулся: «Бифштекс Паваротти толще, сэр»...

Важно учитывать обстановку концерта. Большой театр или Большой зал Консерватории требуют одного настроения, а выступления в небольших залах, своеобразных салонах, которые становятся ныне популярными, предполагают большую степень близости между аудиторией и сценой. Надо даже учитывать желания собравшихся, их предпочтения. Кстати, вот премьера байки, рассказанной мне Иваном Семеновичем Козловским. Выступая на кремлевском застолье, он вынужден был петь, как говорится, по многочисленным заявкам членов Политбюро. Наконец, в дело вмешался Сталин: «Нельзя навязывать свою волю народному артисту. Иван Семенович хочет спеть! А вы не чудное мгновение», а вы не дадите...».

Знаете, я иногда почти физически ощущаю отсутствие таких людей, как Иван Семенович, как Галина Сергеевна Уланова, как Святослав Теофилович Рихтер. В

искусстве особенно заметна роль крупной личности, образующей вокруг себя некое магнитное поле. «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были...». Хотелось бы верить, что из нынешних молодых артистов к зрелым годам вырастут новые личности, в природе все должно компенсироваться.

— Правильно ли сравнить вас с пчелой, собирающей мед где можно?

— Не согласен. Моя задача — побудить зрителя открыть, придя домой, книгу, поставить диск с записью классики. В наше время сложного бытования культуры не вижу ничего предосудительного, когда искусство академическое, высокое начинает пользоваться средствами пропаганды, присущими, скажем, эстраде. Ведь «раскручивали» и Кабалье, и Паваротти, и Кисина. К культуре нужно прибавить не насильственно, а, по крайней мере, занимательно. Давным-давно мы зачитывались книгой Перельмана «Занимательная математика». Есть «Занимательное литературоведение». Почему бы не написать «Занимательное музыковедение»? Так легче будет перейти к знаниям фундаментальным. Известно искусство писательское, композиторское, изобразительное, но есть и искусство читательское, слушательское, зрительское. Душа, безусловно, обязана трудиться, но она должна быть подготовлена, развита к восприятию культуры.

— Вечный вопрос: кого считать интеллигентом...

— Дмитрий Сергеевич Лихачев сказал: можно быть злым, но прикидываться добрым, быть жадным, но казаться щедрым, нельзя только прикинуться интеллигентом. Полуинтеллигент, четвертьинтеллигент так же опасны, как подделки «под искусство». Вот это я и стараюсь объяснить согражданам и современникам.

Георгий МЕЛИКЯНЦ,
«Известия».